

КРОКОДИЛ

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА.

Рис. Д. Моора.

1
С
МИРА

ОРГАНИЗОВАНА

В

2 5 СОВЕТСКИЕ РЕСПУБЛИКИ

Вы, от станков, с заводов красных,
Вы, от сохи, с родных полей—
Сегодня ваш великий праздник,
Из юбилеев юбилей!

Путь и миру, солнцу и свободе,
Лишь по одной лежит тропе,
И четверть века ею ходит
Железным шагом Р. Н. П.!

Французы в Руру.

Парижские сказки.

Председатель высшего монархического совета в Париже А. Ф. Трепов заявил бывшей государыне Марии Федоровне, что в русском монархическом движении ей принадлежит непререкаемый высший авторитет.

(Из газет).

На Марью Федоровну, бывшую императрицу, напала меланхолия. Потом открылись сильные головные боли. Потом началось сердцебиение. Перестала царица пить-есть и все думала о погибшей России. По ночам ей снился русский императорский дворец, а под окнами—русский снег. Лучшие парижские врачи ничего не могли поделать, никакими средствами не могли прогнать царскую меланхолию. Сердце билось все сильнее—государыня начала топтать ногами. Чтобы спасти вдовствующую старушку, самые преданные генералы стали ломать себе голову: чем успокоить царское сердце?

Первым догадался А. Ф. Трепов. Каждый день он начал рассказывать Марье Федоровне арабские сказки, и царица, слушая Трепова, дышала спокойнее. Как самый преданный генерал, Трепов сел у ног

бывшей повелительницы и тихо-тихо начал:

— За морями, за горами, за высокими лесами есть Советская Россия. В той России ждут царицу будто сказочную жар-птицу. По московским по церквушкам, по купцам и по старушкам третий год тревогу бьют, слезы подданные льют. Все горюют, все вздыхают, с нетерпением ждут благоверную царицу в большевистскую столицу...

Марья Федоровна закрывала глаза от умиления и несколько минут сидела очарованная. Петербург, Москва, Боже! как это хорошо! Бедный мой народ! Бедная моя Россия! Утирая царскую слезу царским платочком, вдовствующая старушка говорила:

— Вы знаете, генерал, я этого не оставлю без внимания! Я умею ценить тех, кто меня любит... Расскажите что-нибудь веселенькое...

Трепов начал про красную шапочку:

— Жили-были в Советской России ВЦИК и Совнарком. Родилась у них маленькая Коммуна. Сшили они ей красную шапочку и стали всем показывать. А эта Коммуна была некрещеная, богу не молилась, в церковь не ходила, всех называла товарищами. Тут бог и наказал ее. Появился

в Советской России невиданный зверь, по имени НЭП, вроде страшного медведя с тремя головами. Пошла раз большевистская Коммуночка на базар за грибами. Идет и поет:

Никто не даст нам избавленья!..

Увидел ее НЭП и говорит:

— Коммуночка, я тебя съем!..

Надо бы молчать ей, а она ему фигу показала. Тут НЭП рассердился и проглотил ее вместе с красной шапочкой. Теперь в России без Коммуны живут, а НЭП этот самый велел кланяться вашему императорскому величеству...

Вдовствующая старушка улыбнулась.

— Передайте ему, генерал, мое сердечное спасибо. Я этого не оставлю без внимания... Рассказывайте дальше, мне становится лучше...

Трепов продолжал:

— Весь русский народ в Москве и Петербурге, в Саратове и Тетюшах, в Италии и немножко подальше, в Париже и немножко поближе, движимый верноподданическими чувствами к Вашему императорскому величеству, не ест-не пьет, все молится и ждет, когда вы в Московском государстве появитесь. Не стану, государыня, врать. Наш высший монархический совет ве-

лел вам передать высший непререкаемый авторитет для большего утешения. А если вам и от этого не полегчает, он еще что нибудь начертает.

Тронутая чувствами верноподанных, государыня взволнованно сказала:

— Передайте им, генерал, я этого так не оставлю. Пусть пока не беспокоятся—я чувствую себя веселее и способна хоть сейчас принять государственное управление моей любимой страной на благо моего горячо любимого народа. Скажите, могу я сегодня же вечером выехать из Парижа в Москву?

Генерал Трепов виновато склонил преданную голову:

— Простите, ваше императорское величество, немножко придется обождать...

Зубов

Библиотека „Крокодила“.

Печатается и скоро выходит в свет—

Демьян Бедный:

„Как 14-я дивизия в рай шла“.

Иллюстрации худ. Мих. Черемных.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

В газеты публикация
Была дана комиссией:
«Таким-то, дескать, ведом
ством
Назначена комиссия,
А ей дано задание:
Узнать в кратчайший срок
И доложить коллегии,—
Кому живется весело,
Легко в Эс-Эс-Эс-Эр.
Всем гражданам, имеющим
Какие-либо данные
По делу, предлагается
Пожаловать в комиссию
В служебные часы»

Хоть «миллион подписчиков»
Лишь красный флаг, развер-
нутый

«Рабочую Газету»,
Но все же пролетарская
Читается печать.
Перед подъездом ведомства
(Того, понятно, самого,
Где числилась комиссия)
С утра стоял народ.
«Отсюда до завтра»
Росла—тянулась очередь
Советские чиновники,
Старушки богомольные,
Торговцы со Смоленского
И прочих зланных мест,
Зампреды жилтовариществ,
«Свободные профессии»,
Мошеники, попы,
Монахи, самогонщики,
Карманники—и «так себе»,
Без спец-занятий граждане,
Все становились в хвост.
Рабочих только не было...

Стояли в ряд извозчики:
«К концу хвоста? Пожалуйста:
Десяточку, без лишнего!...»
Овес-то—тридцать пять!...»
Росла—тянулась очередь,
Шумела разговорами:
«Вам что ж? Живется весело?...»
«Тишун вам на язык!
Ведь, дело очень ясное:
Кому живется весело,
С того—тройной налог!...»
«Куда, куда, убогая?..»
Стань в хвост!... «Да я ж,

родимые,
С утра стою! Бутылочку
Купить я отлучалась-то:
Вдруг масло конопляное
Тут будут выдавать?..»

К обеденному времени
Сходились в учреждение
Все члены той комиссии,
Которой было задано:
Узнать в кратчайший срок,
Кому живется весело,
Легко в Эс-Эс-Эс-Эр.
Всех раньше вышел Сидоров...
Дорогой (за три четверти
Версты от учреждения)
Наткнулся он на очередь
И стал, на случай, в хвост.
За ним пришел Евтихий,
А вслед—Семенов вдумчивый;
Затем—Титов с Михайловым,
Петров и Иванов.
«Ишь! Хвост!»—сказал Евти-
хий.
«Стоим!»—озвался Сидоров.
«За чем?»—спросил Титов.
«Толкуют люди разное:

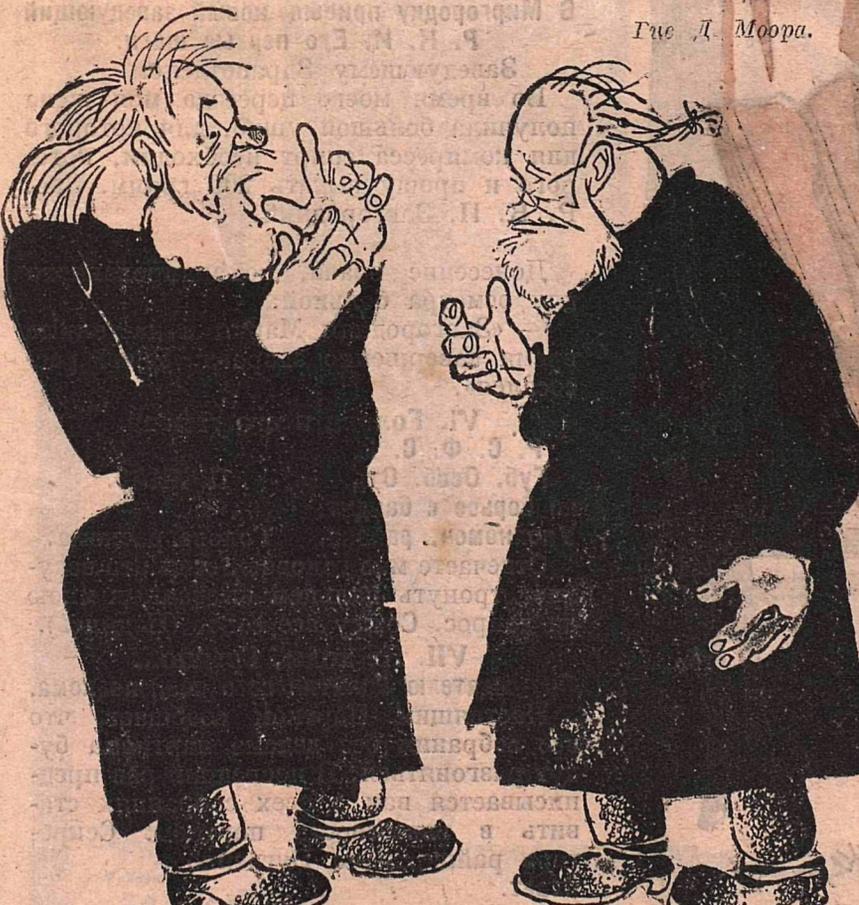
Гис. Д. Моора.

Дану — дано..

Одни,—что здесь комиссия
По переуплотнению;
Другие—будто выдача
Каких-то ордеров...
«Но, словом, что-то важное!»—
Решил Семенов вдумчивый:
«Ведь, зря не стали б граждане
С утра торчать в хвосте!»...
Сказал,—и вся комиссия
Покорно стала в очередь
За Сидоровым. Час
Давно уж был обеденный;
С какой-то ближней фабрики
Обедать шли рабочие...
Один, вздохнув, сказал:
«Эх, делать людям нечего!..
На грош чего-то выдача,—
Сейчас же хлынут тысячи:
Дежурить рады сутками
И в дождь, и в грязь, и в
снег!..
Ведь, сколько б заработали
За это время граждане!
Ведь, сколько б дел поделали!
Так нет»... Но тут оратора
Прервал, в сердцах, Петров:
«Простите, но суждения
Едва ли ваши правильны:
Уж если мы—бездельники,
То тех, кто нас на улице
Часами морит попусту,
Вот этих как назвать?..»
«Совбуры толстозадые!»—
Откликнулся Евтихий:
«Небось, в постелях пекается,
А тут»... Семенов вдумчивый
Добавил: «Как вам нравится..
Второй, представьте, час!»...
«Эх, хорошо бы этаких,—
Заметил гневно Сидоров,—
Самих поставить в хвост!..
Пускай бы подежурили:
Небось, тогда узнали бы!..
Небось, тогда не стали бы
В хвостах морить народ!..»

Протесты—что воробушек:
Пусти,—начнут попархивать...
Заволновалась очередь:
«Буржуиство!.. Саботаж!»..
«Совбуры!.. Волокитчики!..»
«Народ томят докелева!»
«Самим-то им, ребятушки,
Небось, живется весело,
Легко в Эс-Эс-Эс-Эр!..»
«Кому?»—Михайлов всту-
пался.
«Кому?»—спросил Евтихий.
«Кому?» «Да ей, комиссии,
Что нас в хвосте замучила!»
«А что же за комиссия?»...
«Ну, вот!.. С луны вы, что-
ли-ча?..
зачем же стали в хвост?..
Объявлено ж: комиссия,—
С особым полномочием,—
Должна народ опрашивать
(В служебные часы,
Вон в этом учреждении):
Кому живется весело,
Легко в Эс-Эс-Эс-Эр?»...
Титов слегка закашлялся...
«Э... кгм!»—сказал Евтихий.
«Однако, что-то холодно,—
Сказал Михайлов сумрачно:—
Не до-ночи ж стоять!»...
Бочком-бочком комиссия
Из очереди вылезла,
Пошла гуськом по улице,
Свернула в переулок,
Конфузливо, застенчиво
Руками разводя...
«Кому-ж живется весело?
Совбуру толстозадому?»—
Угрюмо молвил Сидоров
«А, ч-чорт!»—сказал Евтихий.
Петров же наставительно
Заметил: «Н-да, достукались!..
А было б нам не пьянствовать.
Намедни у попа!»...
Грамен.

— Отец Феофилакт, читали: на днях выходит книга Демьяна Бедного: «Как Крокодил в церковь ходил?»
— Ужели? Наша взяла! Ежели «Крокодил» в церковь ходил, — значит, он, наконец, раскаялся во всех своих противопоповских грехах. А их у него было множество!..

ВОТ КАК У НАС НА УМАНЬЩИНИ!

Факты из жизни.

I. Иудейские шафера.

В ком'ячейку волости Уманского уезда.
Члена КПБУ Гриценко.

Заявление.

Сделав преступление против устава партии, кое выразилось в моем вступлении в брак церковный, я прошу отнестись к сказанному проступку снисходительно, так как вступить в церковный брак заставила меня чисто крестьянская среда, из коей я взял себе жену и подчиняюсь чувству влечения, в уме осуждая и будучи предрасположен против таковой, вынужден был исполнить указанную формальную сторону враждебной мне религии пренебрегая уставу религии, я старался обставить таковую так, чтобы и тут дискредитировать таковую, для чего моими шаферами были люди иудейского вероисповедания.

Тарас Гриценко

II. Из переписки двух администраторов.

Саша! Будь добр, выдай подательнице сего пропуск на проезд из Белой Церкви в Казатин. Это—моя приятельница. Я надеюсь, что ты не откажешь этого пустяка для меня, так и для нее, так как она особа очень порядочная и богатая. До свидания.

С коммунистическим приветом

Перерепенко.

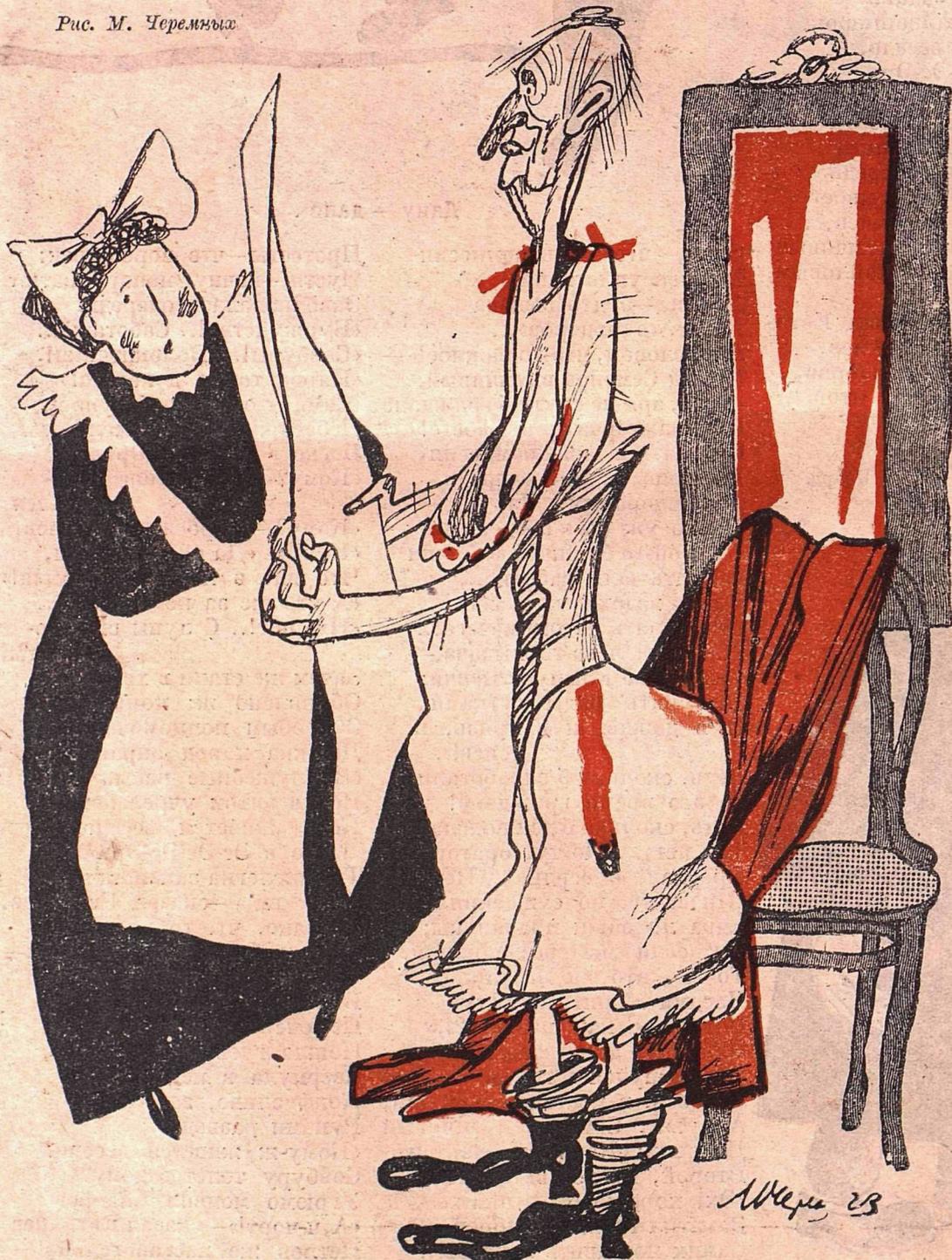
III. Бубырь и свинья.

Секретарю Миргородского комитета.
От члена партии Бубыря.
Заявление.

Доношу до вашего сведения, что дня три тому назад я шел в Райсоюз и увидел, что в моем огороде, то-есть на картофеле, топчется какая-то свинья, похожая на человека.

Я подошел к ней и стал спрашивать, на каком основании вы сюда забрались? А она хладнокровно продолжает хо-

Рис. М. Черемных

Мария Федоровна:—Высший монархический совет пишет в этой грамоте, что хочет прийти ко мне челом бить.

Камеристка:—«Челом бить!» Бьют-бьют челом, а потом—глядяшь—золотых часов не хватает или с письменного стола малахитовый чернильный прибор челобитники с собой вносят!

дить по картофелю и нагибает ветки груш, тогда я увидел, што она не понимает ничего. Пришлось ее выгнать чуть не палкой.

Стал я кричать, вон отсюда. Несколько раз крикнул вон, но это на нее не подействовало до тех пор, пока я не подбежал к ней, тогда она бросила делать зло и в ответ проговорила мне человеческим голосом, што я *заведующий комхозом товарищ Голопух*.

Тогда я сказал: как вы ответственный работник, то должны знать советские законы, должны предъявить свое удостоверение личности.

В виду того, что с улицы каждый день появляется на моем огороде не меньше десятка таких самих паразитов, которые хотят поглотить мой труд, то я стал на борьбу с 1917 года 11 февраля объявил бизпошадную борьбу усем паразитам, которые хотят поглотить рабочий труд.

К великому сожалению три дня тому назад на меня поступило заявление от какого-то беспартийного, который обвиняет меня в собственности. И если партком будет смотреть на заявление Врангеля, или же Колчака, Петлюры и всем его приспешникам, которые именуют себя беспартийными, тогда Бубырь давно бы не существовал.

А то—собственник. Пovyлазило б ему, ось што!

В чем подписуюсь Бубырь.

IV. Нэпманцы одолели.

Телеграмма из деревни Маниловки Уманского уезда в Упрофбюро.

—«Маниловка. Наступает капитал на пролетариат. Влияние нэпманцев против кампании рабочих путем анархическим. Желают овладеть профсоюзом. Вышлите помощь. Секретарь Шулика».

V. Жена с ушибом.

В Миргородку прибыл новый заведующий Р. К. И. Его первые шаги.

Заведующему Здравоотделом.

Во время моего переезда моя жена получила большой ушиб, для которого для компресса спирт необходим, которого и прошу выдать 200 грамм. Зав. Р. К. И. Завгородний.

Донесение врача, командированного для осмотра больной:

—«Завгородняя Мария в настоящее время совершенно здорова. Ушиб рассосался».

VI. Голова и его голова.

Р. С. Ф. С. Р.

Губ. Особ. Отд. ПРИКАЗ.
по борьбе с бандит.

Уполномоч. района. Голове ревкома.

Отвечаете мне головою, если кто вздумает тронуть пальцем вызванных мною на допрос. Сожгу все село. (Подпись).

VII. Не ходы, Грыцю...

Председателю Ракитянского волисполкома.

Настоящим Партком сообщает, что все собрания без ведома парткома будут разгоняться. В последний раз предписывается вам о всех собраниях ставить в известность партком. Секретарь райпарткома Бугаенко.

Ответ.

— Вы Ваньку не валийте. Без вас знаю, что и как. Ой не ходы, Грыцю, тай на вечернюцю. Сами управимся.

С тов. приветом Кулиш.

С подлинным верно Демьян Бедный.

Учителю от ученика.

Рис. Ив. Малюткина.

Канцлер Бисмарк публично предлагал свою помощь против парижской Коммуны.
Из „Истории парижской Коммуны“.

ПУАНКАРЕ (Бисмарку): — Отец, учитель, вождь и воин!
Прими венок из этих рук.
Будь горд и радостно спокоен, —
Я не забыл твоих заслуг!

В Париже в дни великой бури
Смирля ты красные бунты.
Завет твой свято чту я в Руре:
Душу рабочих, как и ты!

Ошибки.

(Рассказ).

Началось это так: конторщик Аккуратов из квартиры № 7 колот дрова на площадке лестницы.

Кузьма Клоков подошел к нему, покачал головой, сплюнул и сказал, сощурился:

— Так, так... Лесенку портите?... Хорош-шо!

Аккуратов оторопел:

— Позвольте.. на каком основании?

— А на таком—добро народное в негодность приводите. Поняли?

— Да где же мне колотить? В квартире нельзя, на улице—слякоть. А потом если бы я большие деревья,—а то ведь чурочки.

— Ладно уж... У вас все чурочки да девчурочки, на все отговорочки найдете.

И Кузьма не спеша скрылся в свой четвертый номер. Если бы Аккуратов был повнимательней, он заметил бы, что Клоков навеселе. Но Аккуратов был настолько обескуражен, что ничего не заметил и дома немедленно сообщил жене о случившемся. Жена тотчас же решила:

— Не иначе, как он коммунистом записался. Смотри, Петя, с ним теперь надо ухо остро держать. Скажешь чтонибудь в простоте—а он сейчас—чи куда следует.

Аккуратов соглашался:

— Да уж... не было печали.

* * *

В тот же день Анна Петровна Аккуратова, по-просту Аккуратиха, оповестила о случившемся всех своих то-

варок: торговку галантереей Поликсену Семеновну из шестого, Дарью Ивановну, чью-то жену без определенных занятий из первого и Алису Григорьевну, жену какого-то заместителя, из пятого.

Те в свою очередь постарались, и скоро новость облетела все двенадцать квартир маленького окраинного домика, причем задний флигель отнесся к этому почти равнодушно. Лишь слесарь по прозвищу «Чайник-самовар» выразил свое мнение:

— Брешут черти... куда ему.

И завернул крепкое переливчатое словцо.

Зато в переднем, чистом флигеле новость вызвала целый переполох. Чей то заместитель из пятого номера, он же председатель доморощенного жилтоварищества, начал срочно приводить в порядок все дела и несмотря на все просьбы жены даже не выпил вечером черного кофе:

— Нельзя, милочка... Раз такое дело,—ты знаешь, он ревизию может назначить. А у нас Николай Алексеевич знаешь как вселен? Ну, то-то!

Виновник переполоха Аккуратов вечером того же дня демонстративно, на виду у всех, часа два колот дрова на дворе, утоная по щиколотку в рыхлом грязном снегу.

Галантерейная Поликсена Семеновна вставила в раму свой торговый патент, вынул для этого фотографию своего умершего мужа (фотографию не мужа и не умершего вынимать было жалко).

А в восьмом номере шло длительное и бурное совещание, после которого Кузьма Клоков был приглашен туда в гости и ушел оттуда домой поздней

ночью вдребезги пьяный. В восьмом номере, как говорили, варился самогон.

* * *

Для Клокова наступил сплошной праздник. Если раньше его никто не уважал и даже многие высказывали свое презрение—то теперь он жил, как в сказке.

Достаточно ему было, проходя по двору, обронить пару слов:

— Грязь-то у нас какая, братцы!

И на следующий день двор сиял чистотой.

Приехавшего из провинции племянника Клоков в два счета поселил в отдельной комнате, хотя для этого пришлось уплотнить трех жильцов из заднего флигеля.

Клокову все приветливо улыбались, на собраниях выбирали председателем, спрашивали о политике и самое его глупое замечание принимали почти с восторгом.

А когда сама Алиса Григорьевна, жена заместителя, сказала ему как-то с очаровательной улыбкой:

— Кузьма Трофимыч, заходите к нам как-нибудь запросто на чашку чая,—Клоков окончательно убедился в том, что он человек исключительный и стал говорить веско и безапелляционно.

Но больше всего радовал Клокова восьмой номер,—эта была какая-то скатерть-самобранка: почти ежедневно его кормили там и поили до пьяна совершенно бесплатно.

Клоков плавал на верху блаженства.

* * *

Из Жилотдела в дом прислали контролера. Контролер нашел кучу беспорядков и преступлений и имел крупный разговор с председателем, заместителем кого-то из пятого номера. Председатель с очаровательной вежливостью указал:

— Вы, товарищ, не прагы. Все, что я вам говорю, может подтвердить и наш секретарь. Он сам рабочий и коммунист. Надеюсь, коммунисту-то вы поверите?

Контролер пробурчал что-то под нос о том, что коммунисты бывают разные, но все-таки отправился вместе с председателем в квартиру Клокова.

Клоков был пьян.

Когда контролер рассказал ему, в чем дело и спросил, коммунист ли он—Клоков залился пьяным смехом:

— Коммунист? Черта с два! Что я дурак, что ли? Мне и так хорошо живется! Я даже прежде, когда свою лавочку имел, и то так не жил! Выпить хотите—сделайте милость!

Председатель схватился за голову, а контролер сел писать протокол.

Через два дня вместе с председателем арестовали Клокова. Но его пришлось отправить в больницу: он был избит жильцами из восьмого номера.

Тихий окраинный домик выглядит теперь по-старому. И Аккуратов по-прежнему колот дрова на лестнице.

Только в восьмом номере живут другие жильцы, да председатель жилтоварищества новый: старый после отсидки—переехал.

И Клоков исчез.

В. Кумач.

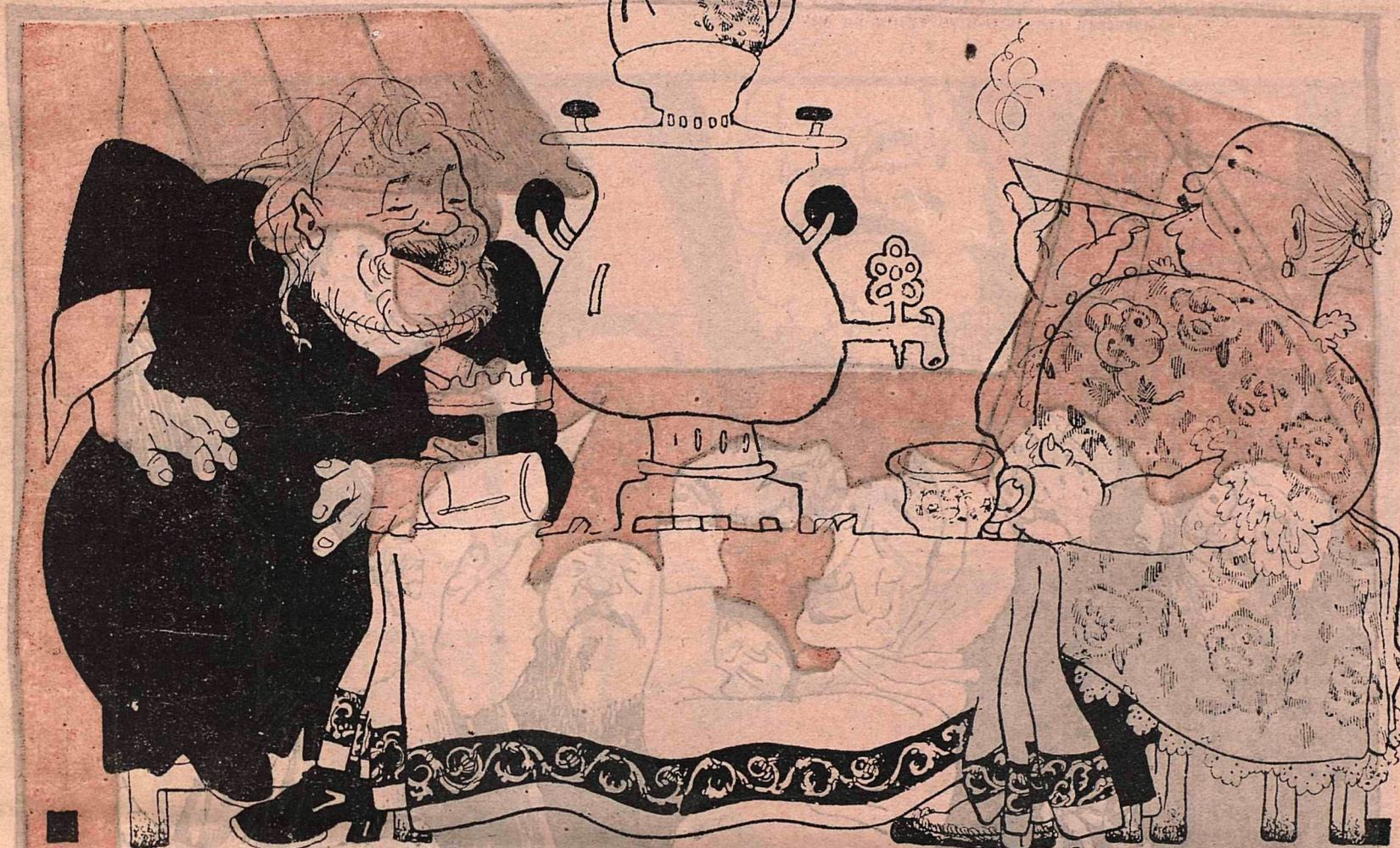
Великий спор.

Рис. А. Моора.

Среди монархистов за границей происходит в эти дни спор: спорят между собой из-за права на престол «самодержавного монарха всея Руси» кирилловцы и николаевцы.

Бежавшие от красного петуха революции тешатся с белым петухами.

— Гляжу я на вас, батюшка, и удивляюсь—по прежнему вы живой и интересный.
— Штука простая: церковь у нас живая, а в живой церкви есть влага живительная—как же не жить?

За ненахождением адресата.

Согласно законопроекту шведского правительства, безработные получают пособие лишь после того, как они пробыли 6 месяцев без работы.

Из газет.

Господин Цилиндров покуривал тонкую сигару и степенно щелкал на счетах. Щелкал долго, пока не надоело. Потом так же степенно выпил стакан сладкого чаю и решительно произнес:

— Баста! Завтра прикрою фабрику. На складах горы товаров, а девать некуда: заказов из-за границы все меньше и меньше.

И приятно затянувшись сигарой, сказал:

— А рабочие пусть гуляют. Им, небось, отдых нужен... К тому же и весна близко: свежий воздух, цветы и прочее.

— Безработный я... Неделю тому назад вы меня уволили, а пособия не дают. Три дня ничего не ел. Семья додает последние остатки.

— Послушайте, молодой человек, вы точно ребенок... По нашему закону вы через 6 месяцев получите пособие, через 6 месяцев. Следовательно, идите домой и ждите.

— Но я уж три дня маковой росинки во рту не имел. Три дня!

— Ха-ха-ха! Нашел, чем удивить. Читал я на днях в одной газете, что какой-то профессор ради опыта сорок суток постился и выжил. Ну, а тебе закон не то, что сорок суток, а шесть месяцев поститься велит.

Когда же безработный зашатался, господин Цилиндров позвал лакея и приказал его вывести.

— Ну и народ, — шамкал лакей, — только что из фабрики выгнали и уже пьянствуют.

залась женой того самого безработного, которому господин Цилиндров так занятно рассказал о голодном профессоре.

— Умер мой муж... — плача сказала женщина. — Не мог дожидаться пособия. А я уж весь домашний скарб продала, чтобы прокормить детей. Теперь ничего нет у меня. Если не поможете, нас ждет голодная смерть...

— Вы преувеличиваете, — поучительно произнес господин Цилиндров. — Закон предусматривает шестимесячный срок, основываясь на опытах одного профессора...

— Знаю про профессора, — прервала его женщина, — мне муж рассказывал... А вы бы немного денег...

— Извините, мадам, против закона не пойду-с. Вам еще три месяца, а там и пособие будет.

— Ох!.. — сказала женщина и упала в обморок. Ее вынесли.

пособия... Дети просят милостыню... Если не поможете, все с голоду помрем...

— Выражаю заранее свое соболезнование, — почтительно сказал господин Цилиндров, — но не могу-с. Против закона... Да и вам уже не так долго ждать осталось. Какой-нибудь месяц. А вот в газете пишут, что один профессор...

— Знаю, знаю. Мама рассказала.

— Ну и отлично, если знаете. Лакей, проводи ее...

Ровно через месяц почтальон долго искал Безработного, чтобы вручить ему пакет с пособием. Но найти его ему так и не удалось.

— Что же это такое, — недоумевал почтальон вслух, — и улица есть, и имя, и фамилия, а адресата нет как нет.

И, вынув огрызок карандаша, написал: «За ненахождением адресата — возвращается...»

На следующий день пакет был вручен обратно господину Цилиндрову.

Перед господином Цилиндровым стоял бледный человек. Глаза его горели, а голос дрожал.

В кабинет господина Цилиндрова ворвалась одетая в лохмотья женщина. Она ока-

— От сирот я, — докладывала господину Цилиндрову старшая дочь Безработного. — Мать умерла, не дождав-

Марн Бодрий.

„Освобождение крестьян“

Рис. Д. Моора.

На местах своеобразно борются с самогонщиками: нам сообщают, что некоторые председатели волсоветов разрешили свободную продажу самогона в предпраздничные дни.

Председатель волсовета: — На Рождество и Пасху разрешается свободное распитие самогона.
Кулаки: — Слава тебе, боже! Хоть на два денька да почувствуем себя на слободе!

„Красная церковь“.

Ввиду того, что ни «живоцерковцы», ни «возрожденцы» успехом не пользуются,—среди некоторых церковных служителей возникла мысль об организации красной церкви. «Если есть краскупы (красные кушпы),—рассуждают они,—то почему-же не могут существовать краспопы?»

Рис. Ив. Мелютина.

Много нынче развелось у нас церкви:
Есть «живая», есть «живой» еще живей!
Есть живейшая, и есть совсем «антик».—
Церкви новые пекутся каждый миг!

Церковь красную выдумывает поп,
Церкви новые заткнуть за пояс чтоб!
Рядом с Марксом—лик «божественный» Христа,
На иконе—серп и молот... Кра-со-та!..

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ.

Рис. М. Черемных.

Изобретатель ручных гранат норвежский инженер Аксон заявил в печати, что он намерен выступить с проектом, который сделает абсолютно невозможными войны. Проект заключается в создании „автоматических солдат“.

Из газет.

Глуша шестую кружку пива,
Кропя слезами галифе,
Сидит угрюмо и тоскливо
Матерый генерал в кафе.

— Увь! Я более не нужен.
Я, кто провел шесть войн подряд,
Я, кто в бою слегка контужен,—
Сменен на кукольных солдат.

Над кем теперь мне издеваться?
Кому мне зубы выбивать?

Куда идти? Куда доватьс?
Кого я буду муштровать?

Я—прах, я—труп, я—гниль... А впрочем
Я не сержусь, я даже рад:
Теперь ждать помощи рабочим
Нельзя от кукольных солдат!

Но вдруг виденье... Все потухло
Не мил вояке белый свет,—
Он слышит: куклы, даже куклы
Кричат: „Да здравствует Совет!“

Про бабу-молодца и про мужика-бабу.

(Случай).

«В с. Сланцы, крестьянка Кулагина развелась с мужем за то, что он в дни партизанской войны не пошел на фронт, а она вместо него пошла добровольцем и отличилась в бою с белыми».

Из газет.

В тот день раздавался рев пушек-мортир,
Сверкали надолы и кинжалы...
Жену-добровольцу муж-дезертир
В окопы, грустя, проводил.

— Смотри же, сказали жена от души,
Не плачь без меня, не тоскуй!

Почаще цыдульки мне в роту пиши;
Матрене-стрелку адресуй.

Эх, девки тут станут тебя обижать!—

Вздознула, поправив ружье.—

А ты не сумеешь себя отстоять;

Известно—мужчина, слабе!

Муж тихо слезинку смахнул с бороды

И молвил, в затылке скребя;

— Мужчинская доля такая всегда,
Что каждый обидит тебя!

И, стукнувшись вдруг головою о дверь,
Завыл он на десять минут;

— И-эх, на кого же покидаешь теперь

Д-меня беззащитного тут?!

Жена утешала:—Не плачь, муженек!

С победой скоро вернусь.

Съедой за меня тут, Вавила, паек,

А я поспрашаюсь за Русь...

Роняли слезу на усы мужики

И вслипали даже в рукав,

А бабы, уткнувшись в бока кулаки,
Лихой обнаружили нрав:

— Ну, будя! Чего вы раскисались там?

Уже ефта мужчинская рать!

Ступайте-ка стирать скорейца, а нам

С врагами пора воевать...

Занятные в Сланцах свершались дела

В те дни, когда взяли мечи;

Чрез час уже Матрена на фронте была,

Вавила же был... на печи!

Красное Жало.

Деревенская канитель.

Деревню «Гнилые Дубки» Упродном так шарахнул продналогом, что и очухаться, как следует, мужики не могли.

— Мысленное ли дело,—ругался Сысой Кривоухов,—с разверткой и той полегче бывало. К примеру, пять десятин у меня, не токмо не пахотные, с годков пятьдесят, как ельником проросли. Чаща, она и есть чаща. Какой с нее продналог выплатить?

— И впрямь,—поддерживали остальные, чевой о Кривоухове говорить. Всему обществу раздор вышел, потому не пахотная у нас земля, а лес.

Потолковали мужики, порядили, решили ходок в город выслать, чтоб насчет налога ослобонить. Назначили, стало-быть, Кривоухова Сысою и Пальцева Миколая, потому де первыми горлодерами на деревне были. Пускай, мол, в городе от начальства отбредутся.

Собрались ходоки, запасли в узелки по краюхе, прихватили кузовок с яйцами, хлебнули для храбрости самогону толику малую, пошли.

Пришли в уездный Продком, сейчас это яичек, кому следовало, десятка три—дошли до самого главного.

— Так и так, от общества мы. И еще от Совета присланы. Потому невтерпёж вышло. Никаких таких полных прав нет, чтоб с десятины леса хлеб собирать.

Поглядел Главный, носом повел хмуро, оробели ходоки, страсть. Достал бумагу кучу, порылся.

— Насчет прав,—говорит,—так это дело десятое, и не выражайтесь вовсе. А что не пахотная земля, так у нас в бумагах все обозначено. Сказано пашня,—гоня продналог и чтобы не растабарывать.

Потоптались на месте мужики, помозговали, с другого конца начали. И насчет поросенка к празднику, и гуся пообещали, и еще кое-чего. Куда там. Не берет шельмец. И еще крыть начал,

да так, что сами не заметили, как за дверьми очутились.

Пошли ходоки вспять, дошли до «Гнилых Дубков», сход собрали.

Обсудили мужики, покрятели, распили с горя ведра три крепкой, что Иван Голопузов с табаком для скуса мешает, повеселели малость.

— А ну его к лешему. Не убогаторяют, и ладно... Наскребем хлебом, что пологаетца. А что до лесу касаемо, то опять-таки вырубим, потому наш лес и вся... Не прогадаем, чай...

На том и решили. Неделю—другую выждали, такое в Дубках пошло, словно на фронте гражданском трескотня, да и только. Вся деревня, почитай, в лес вышла. Ан—нет! Хрустнула под топором елочка, другая свалилась,—скачет из города чей-то.

— Что? Народное достояние расхищать, лес рубить?—не позволю!

Мужики ему по-хорошему:

— Пошел ты-де, мил человек, к чорту. Потому наш лес, а не фидеративный.

И этак его по-легонечку, да потихонечку, да по шеям... И не то, чтоб вред какой учинить, а так зубов что-ли не дохватился. И что ж ты! На другой день целый отряд в деревню представили: насчет запрещения порубки, то-есть. К тому ж четырех ребят в уезд прихватили, на предмет избения которые должностного лица. И какое-такое лицо в нем, ежели и морда вся в лоск окровавлена.

Затосковали мужики, с тоски с пятницы на понедельник сплошь самогон глушили, вновь ходок снарядили в город.

Пришел Кривоухов с Пальцевым в Земотдел. Шапки сколь полагается помяли, маслица крынку преподнесли уважительно, дошли до кого следовало.

— То да се, товарищ. Дилигаты мы, стало-быть. Лес у нас общественный, а на манер пашни вышел. В полной плепорции хлеб внесли. А тут,—не руби.

Выслушало начальство, брови насупило, позвало какого-то с плантами. Глянули, поискали—так прямо и говорят:

— Лес, так, мол, и обозначено. А насчет пашни не знаем. А что рубить, так не дозволяется.

Вздохнули ходоки, не обойдешь, видят, пошли в Продком снова. Прождали денек на лестнице, потому яйца из дому взять запамятовали. Однако, самого комиссара поймать посчастливилось.

— Помоги-де, кормилец, выручи. Никаких сил нет, с лесу хлеб выбрать. Как посеешь, родимый, ежели от елки и ходу в нем нет.

А тот:

— Ничего не могу. Бумага, не врет она: обозначена пашня, не разуверите.

Пошли мужики с Земотдела в Продком, с Продкома вновь в Земотдел, а все правды не выковырнут. А правда: в бумагах она под печатями да в плантах схоронена, вот где. Сунутся, по-одному пашня выходит, по-другому—лес, а как такое установить, когда на все Дубки грамотный-то один, да и тот жулик.

Ходили мужики, словом до того доходились,—тошно. Дошли до Дубков в

горести, рукой, было, махнули. Да нет. Приехал в ту пору из города Петька Горох, по демобилизации в чистую вышел. Пришел на сход, а мужики только-только по домам не ушли. Выслушал, что и как, надоумил.—«Валяйте-де, головы умные, в центр. К самому Калинину надо. Он и рассудит, как следовает».

Посудили, порядили Гнилые Дубки,—боязно. К примеру, к Продкомиссару и то не дойдешь, а тут—шутка ли. Однако, уломал Горох, собрались в Москву ходоки, двинули.

Те же поехали: Кривоухов Сысой и Пальцев. Долго не долго, да и не коротко,—прибыли в Москву, нашли земляка, посчастливилось, вывели, что надо.

Пришли, куда наказал, прошение составили, маленечко выждали: говорит чей-то: «Пожалуйте».

Видят, сидит седенький, в пиджачикко одет без фасону всякого, и вид свойский. Поклонились ходоки: «До Калинина нам бы, до самого. Так уж нельзя ли». А тот: «Я, мол, Калинин и есть».

Усмехнулись мужики недоверчиво, знаем-де, нельзя к самому, так и омма-

нывает, почем зря. Опять-таки, мысленно ли, чтоб до такого начальства в два счета дойти.

Заспорили мужики, куда там Так и пришлось седенькому про все обскажать. К тому ж хозяйственный, видать, человек, все выспросил, до точки дошел. И на прошение возьми да что-то такое и напиши.

* * *

«Ну, думают—ходоки,—табак дело, не дошли до Калинина, а без него кто же? А тот, что писал, не могит он сурьезным начальством быть, потому прост больно».

Вернулись в сердцах к земляку, закручинились. На деревню и ворочаться неохота, срамота. Однако, показали земляку прошение с надписью, пожалелись. Рассмеялся тот, выругал: «Эх, вы, стоеросовые. Ведь ни с кем, с самим Калининым разговаривали, и просьба ваша уважена. Деревня!.. Понимать должны—у нас топеря рабочекрестьянская власть—Ленин-то по рабочей части, а Калинин по нашей, крестьянской, потому сам—тверской мужик!»

Безн.

От Мартова до Маркова.

Русский национальный союз в Берлине устроил лекцию, в которой говорилось о необходимости объединения всех—от Мартова до Маркова. Из газет.

Рис. Д. Мельникова.

МАРТОВ + МИЛЮКОВ + МАРКОВ II

Три грани эмиграции.

Французский буржуй (Польше):—Видишь, какой я хороший. Сорок миллионов пересчитать—занятие ску-учное! Так я тебе, голубушка, эти-же дележки в пушечках и снарядах выдам,—оно и веселее будет!

Теплое место.

В Архангельской таможне служит 30 человек родственников.

Надо было Приндикову на товар штемпель поставить.

— Где это?

— В таможене! Только лучше туда сегодня и не ходи—праздник!

— Какой праздник! Ведь вы не празднуете?

— А у них — праздник... Преполовение, или там обнесение мощей... Они по старому завету живут!

Тут Приндикову любопытно стало—хоть и ничего не выйдет—а пойду! Как это люди по старому завету живут?

Приходит—дом старый, желтой краской—чай, с самой Екатерины не перекрашивали! Окна маленькие, потолки со сводами...

Вошел. За огромным столом два мальчугана—белокурый и черненький. Сидят и какие-то каракули выводят.

— Мне, ребятки, штемпель

нужно поставить!

Белокурый взмахнул волосами:

— Штемпель? Это у дяди Мити!

Черненький возразил:

— Нет! Это тетя Лиза штемпеля ставит!

Что за дядя! Что за тетя! Приндиков спрашивает:

— Где же это ваша тетя Лиза?

— Тетя Лиза в кухне обед варит.

— Штемпель? Небось у папы штемпель... Я не знаю!

— Ведите к папе!

Дверь. На двери надпись—административный отдел.

— Праздник сегодня—сказал папа... Ну да я все равно...

Надписал что-то, поставил штемпель, дает бумагу мальчику:

— Поди к дедушке—пусть подпишет!

Дедушка подписать отказался:

— Праздник, молодой человек... Бога бы побоялись...

— Я,—Приндиков отвеча-

ет, извините, в Бога не верю...

— С нами крестная сила...—зашептал дедушка: Митька! Ванька! Петька!

Сбежалось человек тридцать.

— Что, дедушка?

Но дедушка ничего не успел рассказать. Вошел поп.

— Здравствуйте... С праздничком...

И затянул:

— Благослови, Владыко!.. Приндиков диву дался:

— Что же это за учреждение такое!

Выбрал одного человека по-симпатичней и спрашивает.

— Это у нас уж лет пять-десять так заведено... Был у нас заведующий и служил на этом месте лет сорок... У него было три сына; один пошел по административной—стал заведующим, другой по финансово-й и счетоводству, третий по делопроизводству... Да так и повелось! У них, стало-быть, опять свои дети—каждый по своей линии—и теперь у нас никого чужих и нету! Дедушка управляющий, его сы-

новья — заведателями, старшие внучата по делопроизводству и конторщики и еще там что,—а дальние родственники на курьеских местах...

— Сколько же вас тут всего?

— Да почитай, с дальними-то родственниками человек сто будет... Живем, нечего тужить—не жалуемся... Одна семейка!

— Ну и что же? Как вас-ничего?... Не обратили еще внимания?

— Да кто обратит? У нас и в других учреждениях родственники служат... Вот тут обойди этот дом—да налево—не знаю как это учреждение называется... Да и знать не надо! Мы—Чаликовы, а там Зайчиковы... боковая линия... Так и везде...

Приндиков ушел из таможи сильно озадаченным:

— Как же это так... И революция и все такое... А вот, поди ты, как люди устроились. С незапамятных времен живут—и ничего!

Приндиков ушел из таможи сильно озадаченным:

— Как же это так... И революция и все такое... А вот, поди ты, как люди устроились. С незапамятных времен живут—и ничего!

Матвей Протит.

Конек-летунок.

Авиацию, как род оружия и как отрасль промышленности, мы должны, по крайней мере, на ближайший год, поставить в центре внимания всей страны.
Л. Троцкий.

Рис. Д. Мельникова.

Дни кровавой царской стари
Ты развеял, Пролетарий!
Стяг твой был призывно ал...
Ты буржуя оседлал!

Бил набат в рабочем стане...
Миг,—и ты на поле брани,
Лишь раздался лозунг дня:
— „Пролетарий, на коня!“

Летунка-коня воздвигнем,—
И с коня мы в небо прыгнем!
Наш ближайших действий план—
Оседлать аэроплан!

Патентованное средство.

Нам пишут:

«В магазине Наркомздрава на Кузнецком Мосту продаются «гальванические ошейники». Оказывается, эти «ошейники» очень помогают при прорезывании зубов у малых ребят».

Крокодил, с удовольствием констатируя совершенно правильный сдвиг в работе Наркомздрава, с своей стороны рекомендует превосходные и испытанные средства против целого ряда болезней.

Так, свиной тиф идеально излечивается толченым каменным углем, разбавленным горячим молоком, от болевой лихорадки можно избавиться только систематическим потреблением нефти, разведенной церковным вином, а любой понос радикально уничтожает хорошая настойка из опилок и толченого стекла плюс пояс из змеиной кожи на голое тело.

Крокодил надеется, что предложенные им патентованные средства в ближайшие же дни появятся в Наркомздравском магазине наряду с «гальваническими ошейниками».

Высокий стиль.

Стиль—это человек, а люди бывают разные.

Начобрывы Непряхин телеграфирует из Тобольска в Тюмень: «Благодарю высокую честь оказанную Облрыбе избранием ее шефом Губвоенкомата. Однако основании директив Главрыбы эту высокую честь сожалению вынужден отклонить дабы не оказаться недостойным. Да здравствует пятилетие доблестной Красной армии».

За приверженность к высокому стилю т. Непряхин безвинно пострадал. Тем не менее, Крокодил советует продолжать упражнения в том же духе и предлагает подобный текст следующей очередной телеграммы:

«Сегодня имел высокую честь получить выговор. Да здравствует международная революция.

Непряхин.»

Богомольные советы.

Из Бахмутского уезда Крокодилу сообщают:

В зданиях Сантуринского и Петровского Бахмутского уезда сельсоветов в красном углу висят разнокалиберные иконы, под конями теплятся неугасимые лампы. Содержание икон и «неугасимого огня» входит в рубрику общих расходов по совету.

В советах всю масленицу было пусто; работа не производилась, да и когда работать. Утром... в церковь, из церкви домой, из дому снова в церковь, а там и члены, и председатель, напившись до положения риз, колодами валились под лавки в Совете же...

Любопытно, из каких источников производят расходы на самогон члены этих богомольных Советов; включены ли они в общую смету или на оный предмет специальные обложения существуют.

Не мешало бы Волисполкому выместить этот сор. Или в нем тоже после масленицы еще не очухались?

Светлый праздник науки.

В Сибири любят науку, и праздники науки проходят там очень торжественно:

10 февраля омский политехникум путей сообщения справлял двухлетнюю годовщину своего существования. К стыду устроителей и публики вечер закончился пьяным разгулом самого бесшабашного характера. Кроме спирта пили и само-

гонку и всякую дрянь; пьянствовали и слушатели техникума и даже преподаватели. Особенно отличился преподаватель физики, который дошел до того, что в танцевальном зале ползал на четвереньках. В конце концов, пьяные стали ломать стекла, лампочки, доски. Сбежалась публика, прибежали железнодорожные милиционеры, но был ли составлен на хулиганов протокол, неизвестно.

Очевидно, в Омском политехникуме не хватает еще одного факультета: с решеткой и милиционером у двери.

Коминтерн в... Вятке.

Крокодилу препровожден любопытный документ:

Счет № 141/170
Вятскому представителю Коминтерна.

КОНТОРА
га еты
«Вятская Правда».

За напечатание объявления с требованием опытной экономки ..... 1000 р.
Управконторой (подпись).

Одно неясно: контора газеты видела своими глазами вятского представителя Коминтерна или нет? Возникает вопрос: какова должна быть экономка, если «представитель» окажется липовым?

Продажный восторг.

А вот еще письмо из Рыбинска:

Рыбинский Губсовнархоз продал по договорам: кожу, принадлежавшую Рыбкожтресту, лесоматериалы, принадлежавшие Верхневолготресту, и уплатил за это неустойки по договорам.

Чего доброго, этот Рыбинский Губсовнархоз начнет и «Крокодилом» торговать без его спроса!

Полукитайский язык.

В Москве на Дербеновской набережной есть фабрика б. Шлихтерман. При этой фабрике есть клуб и зрительный зал. А в зрительном зале висит такое объявление:

Культ комисия проси посетит пикурит и семичко пигрисет занисполне будит штраф еползу безработия текстильщикова 5 р. 23 го.

Спектакли у Шлихтермана устраивают часто, но, очевидно, никто до сих пор не позаботился, чтобы в культ-комиссии произвести ликвидацию безграмотности.

Библиотека „Крокодила“.

Печатается и вскоре выходит:

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

„ИЖЕ ХЕРУВИМЫ“

Иллюстрации и обложка М. Черемных.

Дорогой Дядя! Не смотри с укором. Выехал из Москвы не почтовым, а скорым. А поехавши рвал на себе волоса. Остановки на станциях по два часа. То буксы чинили, то воду брали, То просто третий звонок ожидали. Словом, как волоса я не драл, Опоздавши на сутки, приполз на Урал. Край по книжкам известен пока мне: Уральский хребет, уральские камни, Заводы, копы, изрядный мороз, Но в центре всего... Коммунох.

В Енатирибурге

легче околоть на морозе, Чем выпросить комнату в Коммунохое, Проси не проси, у него ответ: Свободных помещенцев в городе нет! Вытаскиваю торжественно первый мандат; Посмотрев, говорят:—ерунда! Видали мандаты мы эти! Вытаскиваю второй, третий, Наконец, видя, что выхода нет, Показываю, дядошка, ваш портрет. — Ну,—думаю,—если и он не поможет, Зазябну как цючки. И что же! Ваш образ их сразу переродил. —А!—говорят—Крокодил!

Как-же, как-же, читали: Сейчас вас устроим в «Пале-Рояле»,— Самые лучшие номера. На проверку оказалась... дыра! Не знаю, дядошка, как я не помер. Всунули меня в неотапленный номер. (12-ть в сутки, через день 25, Еще через день повышенье опять!) Словом изжили очень безбожно. Съев в коммунистическом клубе мороженное, (Охладил возмущенье!) собрался в поход; Отправился на

Верх-Исетский завод.

Завод не гостиница, здесь как дома. Разыскал председателя завкома И минут через пять пошпи по цехам. Сквозь грохоты, громы, лязги, гам. В мартене железо кипело супом; В листобойном молот упорно гунал; На подобие огненного хвоста, Тянул железо прокатный стан. Дело было, дядошка, ночью. Окружили меня рабочие: — Крокодил пришел! Здорово Крокодил! — Ты что же так долго не приходил? — В дороге тебя нэпачи не ели? Представьте, дядошка, в самом деле, Я еще досконально не разобрал, Но кто-то от вас охраняет Урал. Какой-то злодей не хочет, Чтоб вы приходили к уральским рабочим. Ждут Крокодила, а его-то и нет; Не видят по месяцу наших газет! Подобных жалоб услышал я много. Виновата-ль железная дорога, Иль гайка отвинтилась у почты в голове. Пожалуйста, дядя, выясните в Москве. Навербовав сотни подписчиков, А также для вас насобиравши пищи. Двинулся я в дальнейший путь. Некогда было даже заснуть. (Ограниченность времени очень торопит!) Приехал на

Егоршинские копи.

Где встретили—ячейка, завком и зав, Товарищеское гостеприимство оказав. Не успел я на стул опуститься устало, Начали угощать облицительным материалом: — А нельзя ли такого-то взять на зубок! — А нельзя-ли вот этому вилами в бок! — Прогватите нашего замзава! — Вот если-б этот попал на глаза вам, Вы бы стишок написали тогда! Я только поддакивал: «Ну еще-бы! Ну да!». Записав сообщенные факты, Спустился наклонно осмагривать шахты. Вот, где воеет охрана труда! Холодно, сыро, каплет вода, На каждом шагу сквозняки, ушибы, Тут вы и дня провести не смогли-бы. Но шахтеры привычный народ— Работают в шахтах из года в год. Труд без обмана и фальши! Из Егоршинских копей поехал дальше. Забрался в какой-то товарный вагон И в нем в Алапавски свершил перегон. Путешествовать, дядошка, очень... приятно. На каждом шагу бытовые пятна, Встречается все—и горе, и смех. О дальнейшем пишу во втором письме. Ваш, путешествующий по Уралу,

плевмянник Архип.

Страничка читателя.

Корреспондента убрали!

(Бухонские угольные копи).

Стол в квартире зав. копиями Топеркина был накрыт белой скатертью. За столом сидел инженер Гусев.

— Помилуйте, Пал Петрович! — жаловался Топеркин. — Житья не стало! Вообще, с рабочим теперь сладу нету, а тут еще корреспондент завелся.

— Учат теперь ихнего брата! — мрачно промолвил инженер. — Вы наверно слышали, как в Москве со Спиридоновым поступили, или в Одессе с Иевлевым. Пулю в лоб и basta!

— Там-то, Пал Петрович, народ не нам чета... Сорви-голова! А мое дело что же? Жена, дети, место хорошее... Не хочется каша-то заваривать. Другое бы что-нибудь, попроще придумать, — глядя умоляющими глазами, ответил Топеркин.

— Что ж вы другое придумаете? Уволить, и вся недолга.

— А профсоюз? А охрана труда? О них-то вы забыли? Поднимут такую бучу: «что» да «почему»?

— Да-а... вы правы! — протянул в раздумьи инженер.

* * *

Несколько минут молчания.

— А знаете что, Никита Васильевич, я нашел выход! Да такой, что ни одна охрана труда и ни один профсоюз придаться не сумеют! Самая простая вещь! Перевести этого вашего корреспондента на дальние копи, верст так за восемь от дома — он и сам с работы уйдет.

— А ведь и в самом деле. Ну, спасибо, Пал Петрович. Кажись бы, век не придумал!

Они росли бутылочку портвейна, привезенную Топеркиным из Тулы, и расстались друзьями.

* * *

На другой день рабочий Шилов был переведен на Огаревские копи, которые находились в восьми верстах от Бухонских.

Шилову на время пришлось работу оставить. А через несколько дней Топеркин получил требование союза горнорабочих о немедленном приеме рабочего Шилова опять на работу. Долго и злобно скрежетал зубами, а пришлось покориться.

— Ничего не поделаешь! Власть рабочих и крестьян!

Алексей Медведев.

Конотопская книготорговля.

В Конотопе некий гр. Лось, занимавший ранее видные должности в различных учреждениях и ныне разочаровавшийся, очевидно, в преимуществах службы, открыл набережия... своего скудного жалования книжный магазин по фирмой „Нозый свет“ с вывеской: „Продажа книг, учебников, пива, вина и разной закуски; при магазине имеется отдельный кабинет“.

Мим.

Предсказание исполнилось.

В № 3 (15) журнала «Крокодил» в отделе «Вилами в бок» была помещена заметка «Началось молебном, а кончится?..»

«17 августа в г. Спас-Клепиках открылась гостиница. На вывеске ее значится: «Продажа вина и пива». Содержатель гостиницы Угоркомунотдел и К-0».

Утром в день открытия торжественно была вывешена эта вывеска и отслужен молебен.

За чем — серьезно, — встало дело? Раз Комотдел пошел пивком. Коньяк пойдет из Земотдела. И — водкой кончит Исполком.

Дивны и правдивы слова вещего Крокодила!.. Зав. Угор. Комун. Отдел (т. Антошкин), Зав. Уземотдел (т. Офицын) и зам. Пред. Уисполкома (т. Грязнов) все перепились в этой «гостинице» вскоре после предсказание «Крокодила». Теперь они выбыли из Уисполкома за водку и оставили город Спас-Клепики. Г.

На ст. „Льва Толстого“.

Женятся — пьют. Умирают — пьют. И пьют без конца.

Есть на станции Учкпрофсоюз. Емуть, казалось, следовало бы взять пример с других союзов и пове ти борьбу с пьянством. К сожалению, пример вьят с самогонщиков же.

11-го февраля Учкпрофсоюз совместно с Правлением П. О. написались до того, что член Правления Плотников избил председателя Учкпрофсоюза Степанова. Очевидно, не в меру изобретательный Учкпрофсоюз решил на наглядном примере показать, до чего доводит беспробудное пьянство.

Астаховец.

Ростов-Хиромантский.

В Ростов-Ярославский приехала какая-то хиромантка и по всем улицам и закоулкам расклеила следующее объявление:

Проездом остановившаяся ХИРОМАНТКА.

Персидская подданная.

предсказывающая настоящее, прошлое и будущее, а так же определяющая характер, возраст и любовь человека открыла прием посетителей!

Надеюсь, что посетители останутся ДОВОЛЬНЫ!!!

Принимаю с 9 ч. утра и до 9 ч. вечера.

С почтением к публике...

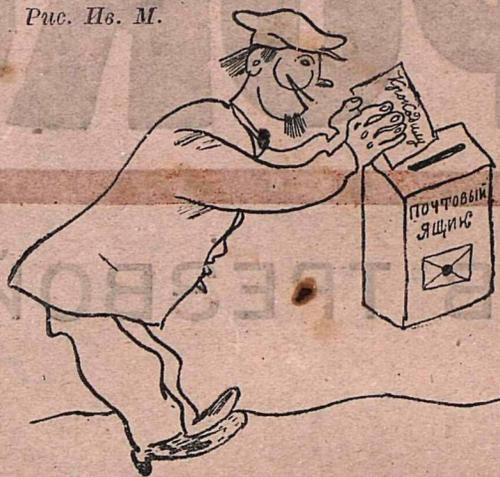
И удивительнее всего, что местный Отдел Управления разрешил этой даме расклеивать подобного рода афиши. На объявлении, на самом видном месте, красуется печать Отдела Управления с разрешением за № 53 (пятьдесят три).

Очевидно, довольны остались не только посетители но и... Исполком.

Красный звонарь.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Рис. Из. М.

МОСКВА.

Бронскому. «Отрывок письма» написан растянуто и неинтересно. Брошено в корзину.

Е. Шалову, Хохлову, Вальцевому, П. Короленку, Сазоновой, Левинсону: Не пойдет.

ПЕТРОГРАД.

А. Пяхову. «Должен сойтаться, что писать его было чрезвычайно трудно. Размер стиха требовал наибольшей скатости и я писал весь воскресный день». И пишет:

«По улицам ходила
Большая Крокодила
Она все время зла
И страшная была».

Следующий воскресный день используйте иначе и с большей для себя пользой.

ПРОВИНЦИЯ.

Тюмень. Сивкову. Спасибо за материал. Пришлите еще.

Еще раз **Тюмень. Пономареву.**

«Писать я долго не решался, Корзины все твоей боялся, Но, наконец, я все ж рискнул И тебе в Москву писнул».

Напрасно писнули. Все равно попадо в корзину.

Керчь. А. Коваленко. «Вопросы и ответы» отдают белогвардейским духом. Выбросили.

Сызрань. Волкодаву. Басня слаба.

В. Уральск. — А. Алексеву, Тим. — Бабенкову, Ржев. — Ежу, с. Воскресенское. — Балясникову, Кривороский рудник — Рабочему Беда, Архангельск — И. Котлову, Викуга — С. Баснакову, Ижевск — Хапаеву, Красноуфимск — Вентолу, Ст. Марьевка — Ковалеву, Шахты — Калитину, с. Жирятиню — К. Голубеву, с. Богородское — Н. Журавлеву, Вязьма — Евстратову, ст. Домская — Дудареву, Мелитополь — Твардовскому, ст. Малышево — Козлову, Харьков — Комсомольцу Б-ну, Мокеевка — Чезнову и Еременкову, Цесков — Лавренцеву, В. Исетский завод — А. Рыкову, Калам — Рубчану, с. Подосиновец — М. Еремееву: Не пой ет.

Краснодар — Рабочему Орлову. Сообщите факты, тогда и подценим на вины.

Астрахань — Зуеву. «Воскресный роман» растянут. Присылайте еще, используем.

Ст. Лобва. За недоставку Крокодила прохватим кого следует.

Саратов — Бусянкину. Материалом воспользуемся, пришлите еще.

Ялтуровск — Е. Полякову. Стихи слабы. Пишите о местной жизни.

Новоузенск — А. Соколову. «Пишу, чтобы узнать официальнее, какие порядки подачи статей и стихов».

Официально отвечаем. Следует присылать хорошие стихи и прозу; — и все.

Челябинск — Лучинину:

Стихи Вани Сверчкова не пойдут. Пришлите еще. Материал о сокрытии посевов используем.

Никольск — Инкову. «Могу высылать, если возьметесь уладить дело с оплатой за высылку. Вышлите № Крокодила и гонорар».

№ купите. Гонорара пока не высылаем. Почтовый ящик не оплачивается.

Тверь — Восвобину. Жалоба на неаккуратную доставку газеты и Крокодила передана в контору.

Конотоп — Мимозе. «Раньше я работал фельетонистом в советской прессе и был редактором. В скором времени пришлю еще более интересные сатиры.» И присылает:

«Какая Ванюшка
Спросила Манечка
Власть Европы без пизде».

Бедная пресса, бедная редакция. Больше не присылайте.

Петровский рудник — Семенову, Ташкент — Катышовой: Присланные заметки передали в газету.

С. Яковлевское — Соловьеву. О Госиздатских календарях уже писалось. Пришлите еще.

Калуга — Сергею Н. Вы поторопились с поздравлением: годовщина «Крокодила» еще впереди.

Дорогобуж — Горному. Вы правы: «Без вины виноватые» и «Сестры Терезы» всемирноизвестны. Театральные сборники «Крокодила» и восполнят этот вопиющий пробел в провинциальном репертуаре.

РЕДАКЦИЯМ ВСЕХ САТИРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ, ЛИСТКОВ И УГОЛКОВ В ГАЗЕТАХ.

„Крокодил“ просит регулярно присылать ему (Москва, Охотный ряд, дом „Рабочей Газеты“) для информации по 2 экземпляра ваших изданий. „КРОКОДИЛ“.

Редактор — **Редани, Коллегия.** Издание „Рабочей Газеты“.

МОСКВА, Охотный ряд, против Дома Союзов.

КРОКОДИЛ

В ТРЕЗВОЙ ШВЕЦИИ.

Нынешнее норвежское правительство подало в отставку. Образование нового правительства взял на себя вожь норвежской правой буржуазной партии Хальворсен, главной программой которого является—отмена запрещения крепких напитков.

Из газет.

Рис. М. Черемных.

Хальворсен:— Теперь я могу считать, что мой кабинет окончательно укреплен.

Депутаты:— Что? Окончательно? Ничего подобного! Надо еще на 20 процентов крепче!